

Сайфулмаликова Сабира Сабытхановна

д-р ист. наук, доцент

Садыкова Асем Кайратовна

PhD докторант

Казахский национальный педагогический

университет им. Абая

г. Алматы, Республика Казахстан

РОЛЬ Н.И. ИЛЬМИНСКОГО В ОТКРЫТИИ ТУРКЕСТАНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ И ОРЕНБУРГСКОЙ КИРГИЗСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

***Аннотация:** работа посвящена проблеме истории создания и становления Туркестанской учительской семинарии и Орск-Оренбургской учительской школы. Авторы ставили перед собой следующую задачу: раскрыть роль Н.И. Ильминского и его учеников в открытии и становлении первых учительских семинарий в Туркестанском и Оренбургском генерал-губернаторствах. Рассматривается особенность изучения языков с русским алфавитом в Туркестанском крае и отношение к этой системе обучения Н.И. Ильминского и его учеников.*

***Ключевые слова:** открытие учительской семинарии, открытие школы, обучение языкам, обучение русскому алфавиту, инородцы, политика миссионерства.*

С завершением присоединения Казахстана в состав Российской империи в новообразованном Туркестанском генерал-губернаторстве стали открываться первые русские учебные заведения в Казалинске (1860 г), Перовске (1860 г), Ташкенте (1866 г), Туркестане (1873 г), Шымкенте (1875 г), Аулиеате (1876 г) и в других городах генерал-губернаторства. Открывателями и первыми учителями в этих школах были в основном священники. В 70-годов XIX века в уездах Туркестанского, Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторства

ощущалось острая нехватка учительских кадров в начальных училищах, приходских училищах и русско-туземных школах.

1871–1876 году в Российской империи было открыто 16 учительских семинарий, среди которых были Казанская учительская инородческая семинария (1872 г), Омская учительская семинария (1872 г), Уфимская-Оренбургская татарская учительская школа (1872 г), Иркутская учительская семинария (1872 г) и другие. До открытия вышеназванных учительских семинарий Туркестанский генерал-губернатор фон-Н.П.Кауфман поднимал вопрос об открытии учительской семинарии и в Ташкенте. Для решения этого вопроса Туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман в 1869 году на волжской пристани в Казани встречается Н.И. Ильминским.

Фон Кауфман был противником миссионерской деятельности, он считал внедрение его в Туркестанском крае преждевременным и вредной, а Ильминский в образовании прежде ставил миссионерскую цель. При беседе с губернатором Н.И. Ильминский представил свою записку о русско-миссионерском образовании в Туркестане и предложил постепенно и в осторожности вести дела с дальнейшей целью, не возбуждая волнений в степи. При этом, предложил открыть епископскую кафедру в Верном, открыть школы для крещенных киргиз и калмыков близ Верного и в Копале [1, с. 172].

Н.И. Ильминский рекомендовал на должность главного инспектора и руководителя народного образования своего бывшего ученика Я.С. Ястребова [1, с. 173]. Он в своих упоминаниях об Ястребове писал: «хоть и владеет духовным образованием, но вовсе не фанатик и миссионерство полагает в просвещении и в развития цивилизации – за это я ручаюсь, коротко зная его образ мыслей [2, с. 20].

Образование Туркестанских киргиз он хотел решить при посредничестве И. Алтынсарина, подготовив его два года в Казани для миссии, затем отправив в Туркестан, чтобы он сперва занялся деятельностью открытия школ с русским алфавитом, затем открывали его ученики, с постепенным распространением образования [3, с. 164].

В планах фон Кауфмана было переманить И.Н. Ильминского в Туркестанский край как знатока по делу образования. После встречи генерал-губернатор при переписке с Министром Народного Просвещения Д.А. Толстым просил его командировать в Туркестанский край для передвижения открытия семинарии.

Перед Ильминским по делу образованию встал вопрос выбора двух путей, приостановить все начатое дело в Казани, либо же все заново начать для него неизвестном крае, путем внедрения своей системы образования. «Ильминский отказался от введение своей системы в Туркестанском края, хотя для этому представился весьма благоприятный случай, когда генерал-губернатор просил его принять на себя задачу выработки системы образование инородцев» – пишет С. Граменицкий [3, с. 164].

Задумка Н.И. Ильминского не совпадало с намерениями фон Кауфмана, он хотел через своих учеников и единомышленников внедрить свою систему образования и миссионерскую политику в Туркестанском крае. «Он, услышав, сильно смутился приглашением, не чувствуя ни смелости, ни склонности к такому огромному и ответственному делу. Министерство тоже не согласилось на командировку Николая Ивановича в Туркестан» [1, с. 175].

1869 год был для него временем самой горячей работы, когда решался о признании его системы инородческого образования административным порядком и о деятельности, устройство этого образования в Казанском округе, что его присутствие было необходимо в самой Казани пишет Знаменский [2, с. 25]. Открытия Казанской учительской семинарии было возложено на И.Н. Ильминского, поэтому попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков не признал отпустить его в Туркестанский край, и было отказано генерал-губернатору фон Кауфману.

Фон Кауфман, конечно, был сильно огорчен его отказом и направил своего чиновника по особым поручениям при учебной части Туркестанского генерал-губернаторства А.Л. Куна в Казань. Кун познакомившись с Казанской системой и Крещенотатарской школой, увлекся делом Николая Ивановича [1, с. 172]. В письмах Н.И. Ильминскому, главный инспектор училищ Туркестанского края

А.Л. Кун попросил рекомендовать кандидатуру на место директора семинарии. Н.И. Ильминский рекомендовал своего ученика И.П. Остроумова, выпускника Казанской духовной академии со степенью магистра «Богослужения». О своем ученике Н.И. Ильминский упоминал: «Он окончил курс в Казанской духовной академии, где был моим учеником по татарскому и арабскому языкам, знаком магометанским вероучением и Кораном. Он в душе и по образованию миссионер: но не страшитесь этого слова. Мой просвещенный друг Остроумов понимает миссионерство самым гуманным образом и вполне уверен, что только народное образование может положить прочную основу и христианству» [2, с. 45–46]. Далее он сообщает: «Г. Остроумов состоит доцентом в академии и учителем в семинарии и получает содержание до 2000 рублей, имеет свой домик с садиком, что переезд ему в Ташкент доставить много хлопот. Единственный барыш ему чисто моральное-удовлетворение патриотического одушевления» [2, с. 46]. Он при рекомендации Г. Остроумова зная, что фон Кауфман и А.Л. Кун были антилоквистами миссионерской политики, особо отмечает, что его ученик основу христианству будет внедрить через образование.

С решением кандидатуры директора семинарии также рассматривался вопрос о будущих преподавателях для учительской семинарии. Г. Остроумов предлагает воспитанников миссионерского противомусульманского отделения Казанской академии. После встречи Остроумовым «Кун беседует в квартире И.Н. Ильминского Казанскими академиками Миропиевым, Софийским, Поздневым и еще Агроновым» [2, с. 59].

Открытие семинарии требовало немало времени и в Туркестанском генерал-губернаторстве был учрежден должность инспектора народных училищ, Остроумов был назначен на эту должность. После состоявшейся встречи 1877 году в Казани Г. Остроумова с Туркестанским генерал-губернатором, в том же году он переезжает в Ташкент. С самого отъезда из Казани И.П. Остроумов до смерти Н.И. Ильминского был в переписках. По пути в Ташкент он уже пишет свой письма. 29 августа 1877 году И.П. Остроумов в письмах своему учителю выразил благодарность за участие его перемещении в Ташкент. 1 сентября

1877 года сообщает: Край здешний земной рай. Я чествую пока отлично. Виноград утром и вечером, когда вздумается, две копейки за фунт [4, с. 24].

Но радость И.П. Остроумова далеко не длилось, сразу с приезда в Ташкент сложились недоверительные отношения с главным инспектором училищ Александром Людвиговичем Куном. Про начало разногласий он в письме И.Н. Ильминскому сообщает: «В конце декабря 1878 года я сказал Куну, что отчет годичный по инспекции писать не могу и потому прошу не заставлять меня сочинять невиданное и не слыханное. Кун согласился со мной и просил меня составить историческую записку о развитии народного образования в крае, чтобы представить в Министерство. Перелистал весь архив управление и написал 25 страниц» [4, с. 25]. После этого А.Л. Кун заставляет И.П. Остроумова составить отчет главного инспектора, иначе говоря, свой отчет, но последний не соглашается с этим. У Остроумова было желание возвратиться в Казань и в крайнем случае пристроиться священником одной из церквей города. Он был в хороших ладах с фон Кауфманом, также положение миссионерской политики остановил его.

1879 году в связи с открытием семинарии И.П. Остроумов был назначен директором. И.Н. Ильминский хотя не приезжал в Ташкент, но он принимал живое участие в устройстве будущей семинарии. Преподаватель по предмету Закон Божий Николай Андреевич Воскресенский, по предмету истории и географии Михаил Алексеевич Миропиев были учениками И.Н. Ильминского, воспитанники миссионерского противомусульманского отделения Казанской академии.

И.П. Остроумов в своих письмах сообщал И.Н. Ильминскому о Туркестанской учительской семинарии, об отношениях А.Л. Куна с другими семинаристами. Сложное отношение сложилось А.Л. Куна и с Н.А. Воскресенским и другими казанскими воспитанниками. Об их отношениях Знаменский отмечает: Кун, очевидно, боялся как бы семинария наполнившись учениками И.Н. Ильминского не составила опасной противокуновской партии. Дух партийности и разного рода интриги были характерной чертой тогдашней ташкентской жизни [2, с. 61].

До открытия учительской семинарии в Ташкенте между фон Кауфманом, А.Л. Куном и И.Н. Ильминским один ярко обсужденных вопросов было изучение в семинарии киргизского (казахского) языка и применение русской азбуки. Фон Кауфман, А.Л. Кун были сторонниками применения русской азбуки без изменения и дополнения ко всем инородческим языкам. В 1876 году фон Кауфман писал Министру Народного Просвещения графу Д.А. Толстому следующее: «Чтобы все учебные округа, в которые есть инородцы, приняли для транскрипции русскую азбуку в том виде, какое она изучается в наших школах, без всяких изменений и дополнений» [5, с. 6–7]. Н.И. Ильминский был против такой системой, он поддерживал чтобы для изучения инородцев русский алфавит был дополнен диакритическими знаками. «Что какие-нибудь частные дополнение и изменение в роде диакритических знаков, не могут иметь вредного влияния и что с другой стороны решительное и неизменное утверждение одной алфавитной системы, какое был она ни была, всяком случае может быть стеснительно и неудобно для дела инородческого образования. Как памятник религиозной связи народов, важен вообще алфавит, причем изменение и прибавки не имеют никакой важности. В России единства алфавита даже самое точное, не приведет к внутреннему единению инородцев с русскими пока первые не объединятся с нами в вере православном» – писал Н.И. Ильминский» [5, с. 38].

Ильминский предложил русский алфавит сразу не внедрять в большом масштабе, а в виде небольшого опыта в одной или немногих школах, или в небольшом обществе инородцев, чтобы оно развивалось постепенно.

В Туркестанской учительской семинарии во времена фон Куфмана изучали 1879–1882 годы киргизский язык (казахский язык) на основе кириллицы по учебнику Я. Лютша «Киргизской хрестоматии». Изучалось киргизский (казахский) язык с русской азбукой но без дополнения диакритических и других знаков. После смерти фон Куфмана и с назначением Туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева (1882–1884) в семинарии было отменено изучение киргизского (казахский) языка, был внедрен сартовский (узбекский) язык. После прихода к власти в Туркестанского генерал-губернатора фон-Розенбаха (1884–1889) в

семинарии с 1885 года стали изучать дополнительно персидский язык. По предложению генерал-губернатора Н.А. фон-Розенбаха учителем сартовского и персидского языка был назначен бывший офицер г-н Наливкин.

Н.И. Ильминский и Остроумов были против изучения в учительской семинарии сартовского и персидского языков. Н.И. Ильминский отмечал: «Что сартовский разговорный язык отличается, Кокандский от Ташкентского, также отличие сартовского разговорной речи от литературного языка, поэтому преподавание воспитанникам сартовского языка приносило много затруднений. Киргизы гораздо способнее к русскому языку и образованию чем сарты – писал он [6, с. 3].

Н.И. Ильминский в своих письмах Остроумову сообщает: «Жалко, что русское образование предложено к киргизскому (казахскому) народу не прямо и непосредственно, а таким за обходным сартовским путем. Мысль Туркестанского генерал-губернатора на сколько я понимаю стремится к тому, чтобы дать воспитанникам Туркестанской семинарии некоторые так сказать центральные и основные понятия о языках, ключ ко всем местным наречиям и говорить на тюркском языке, эти мысли совершенно верно, и так сказать экономичны, но ей предназначается неправильная постановка в исполнении [6, с. 5].

Напряженная обстановка А.Л. Куна с Остроумовым и другими учениками Н.И. Ильминского сохранилось после прихода к власти М.Г. Чернява. Фон Кауфман поддерживал Остроумова, но смена власти привела к его уходу из семинарии. И конечно же, Н.И. Ильминского такая обстановка очень огорчила.

1884 году директором Туркестанской учительской семинарии был назначен выпускник Петербургской духовной академии, директор Виленского учительского института Юлиан Фомич Крачковский, этим назначением Н.И. Ильминский был недоволен. 25 апреля 1884 года в письме открыто заявил о своем недовольстве с назначением учительской семинарии Ю.Ф. Крачковского, он писал: «Что потянуло его в Среднюю Азию. Какие его интересы в магометанстве. Если он действительно вполне дельный человек и может быть полезен для своего края, то ему следовало быть окружным инспектором в Вильне. Можно думать, что

мысль Крачковскому о Ташкенте подал А.А. Кунь. Что, Остроумову полезно и даже необходимо вернуться в Казань» [7, с. 47].

Ильминский сообщал Остроумову: «По получении письма Вашего о переводе Вас из семинарии в гимназию я написал Константину Петровичу Победоносцеву, чтобы Вас перевели на мое место т.е. директором Казанской учительской семинарии. С Божьей помощью восстановить Ваше честное и доброе имя [8, с. 49].

1884 году И.П.Остроумов был назначен директором Ташкентской гимназии, Н.И. Ильминский настаивал его возвращению обратно в семинарию. После Ю.Ф. Крачковского директорами семинарии были М.А. Миропиев, И.М. Софийский и чуть позже И.П. Остроумов.

Один из первых выпускников Туркестанской учительской семинарии автор труда русско-киргизского и киргизско-русского словаря Букин Есмухаммед по трудам хорошо знаком был для Н.И. Ильминского. Остроумов пишет Ильминскому: – «Вы до сих пор не обмолвились ни одним словом относительно киргизской хрестоматии Лютша и киргизского словаря Букина. В последнем есть грубые ошибки, но говорите о них. Надо знать как печатался этот словарь. В словаре Букина есть свои полезное» [4, с. 121].

Хотя Ильминский не писал Остроумову о книге Букина, но он про него упоминает в своих письмах: «Выпускник Туркестанской учительской семинарии Букин, судя по его сочинениям также представляет несомненные задатки хорошего умственного развития [4, с. 122]. Словарь Е. Букина был и в наличии у Ы. Алтынсарина, он попозже этот учебник посылает Арсению Андреевичу Мозохину учителю Актюбинской русско-киргизской школы. Если в Оренбургском генерал-губернаторстве в школах киргизский (казахский) язык изучался учебниками Н.И. Ильминским, Ы. Алтынсариным, А.Ф. Алекторовым, а в Туркестанском генерал-губернаторстве по учебникам Я. Лютша и Е. Букина.

Ильминский Туркестанской учительской семинарии поддерживал и книгами. 1881 году в книжном фонде Туркестанской учительской семинарии насчитывалось примерно 1357 названиями 2723 томов экземпляров книг и учебных

пособий. Часть книг были куплена, а часть книг поступила через путем пожертвования для семинарии разными учреждениями и частными лицами. В фонд книг семинарии пожертвования были сделаны Казанской учительской семинарией, которою в тот момент возглавлял Н.А. Ильминский, а также он и сам лично посылал книги.

Н.И. Ильминский также участвовал в создании учебных заведений и в Оренбургском генерал-губернаторстве. 1868 году было закрыто школа для киргизский детей при Оренбургской Пограничной комиссии, которую закончил Ы. Алтынсарин. Перед Оренбургским генерал-губернаторством стояла задача как определить обучающихся в школе. Н.И. Ильминский предлагал из прежников воспитанников этой школы 5–6 особо даровитых определить в гимназию, а остальных обратить в народных учителей после обучения в специальных педагогических курсах [9, с. 174].

В 70-годах XIX века в Оренбургском генерал-губернаторстве остро стал вопрос подготовки учительских кадров. Созданная Оренбургская комиссия представила план по подготовки инородческих учителей. Н.И. Ильминский активно участвовал в этой комиссии. Он порекомендовал открыть пансион для воспитанников. Комиссия предложила 20 мест для киргиз, Н.И. Ильминский писал слишком мало по отношению к киргизскому населению и посоветовал определить 40 мест. Он также советовал открыть при пансионе подготовительную школу и в киргизском пансионе назначить репетитора из киргиза, который помогал ученикам готовить уроки и усвоить задания. Также назначить смотрителя-киргиза, чтобы он был здравомыслящим, даровитым и искренно сочувствующим русскому образованию [9, с. 177].

Н.И. Ильминский посоветовал в учительской школе еженедельную отдых перенести с пятницы на воскресенье. При уездном училище, при пансионе открыть педагогические курсы. В курсах уездного училища воспитанникам читать специальные педагогические предметы, чтобы они по окончании курса, получили педагогическое образование. Для совершенствования учителей киргизских и башкирских школ, он предложил проводить съезд учителей, чтобы им

разъяснить способы инородческого образования, эти же учителя должны были собирать сведения наблюдения об учебном процессе, также материалы этнографического характера [9, с. 180].

Н.И. Ильминский особо отмечал, чтобы в учительской школе при подготовительном классе в преподавании и в разговоре господствовал киргизский язык, русский язык как предмет изучения. Он объяснил: «Иначе сказать, учившейся какой-нибудь науке на языке чужом и не упражнявшейся в изложении ее (хотя устном) на своем языке, затрудняется рассказать что-нибудь из этой науки на родном даже языке своем» [9, с. 177]. Н.И. Ильминский предлагает: «Что образование будущих учителей киргизских школ должно быть не столько научно-педагогическое, сколько практическое развитие учительского такта и особенно пропагаторского усердия, потому что учителям придется не просто преподавать своим инородческим ученикам научные знания, но вместе с тем бороться с предрассудками киргизского народа и магометанско-татарским направлением, где таковое уже укоренилось» [1, с. 127]

В 1876 году во время приезда в Оренбург Министра Народного Просвещения графа Д.А. Толстого обсуждался также вопрос об образовании киргизов Оренбургского края. В этом обсуждении участвовал генерал-губернатор Оренбургского края Н.А. Крыжановский, попечитель Оренбургского учебного округа П.А. Лавровский, директор Казанской учительской семинарии Н.И.Ильминский и губернаторы Тургайской и Уральской областей. По итогам обсуждения было предложено открыть в одном из городов ближайших к Тургайской и Уральской областям киргизскую учительскую школу [9, с. 264].

В работу учительской школы Н.И. Ильминский хотел привлечь Алтынсарина, он считал наиболее его способным на эту работу. Он сообщал: Кто бы ни был назначен на это место было-бы небесполезно командировать такого на несколько месяцев в Казань для подробного ознакомления с постановкой Казанской крещено-татарской школы, а вместе с тем для наглядного ознакомления с педагогическими способами и средствами, которых в Казани, больше чем Оренбурге [9, с. 180].

1877 году младший помощник Тургайского уезда Ы. Алтынсарин писал Н.И. Ильминскому: Учительская семинария как вероятно уже известно Вам отложено на неопределенное время [9, с. 238]. Инициативу Н.И. Ильминского его привлечения в учительскую семинарию Ы. Алтынсарин принимал с большим желанием. В этом же письме Н.И. Ильминскому он сообщает: «Семинария, заведение совершенно новое в которое нужно еще вводить новые порядки, согласно с местными условиями и где на первых порах необходимо посредничество именно такого киргиза, как я, не богатого знаниями, но богатого любовью к народу, о котором хлопочет Правительство. При семинарии какую бы должность ни занимал, я был бы на своем месте [9, с. 239]. Вовлечение Н.И. Ильминского в работу учительской семинарии И. Алтынсарина не сбылось, 1879 году его назначили исполняющим должность инспектора киргизских школ Тургайской области. А само открытие учительской школы затягивалось и в Орске киргизская учительская школа открылась 1883 году.

С начала своего существования до 1892 года школа и начальное при ней училище были закрытыми заведениями и штатных воспитанников киргиз содержали на средства казны. С 1892 года в учительскую школу стали принимать русских воспитанников. В учительской школе все предметы велись на русском языке, кроме магометанского вероучения и киргизского (казахского) языка. Положение Орской учительской школы и изучение там русского языка тоже было хорошо знакомо для Ильминского. 28 мая 1888 году в переписках с министром Народного Просвещения Российской империи Делянову Иван Давыдовичу Н.И. Ильминский писал: «магометанского нерасположения к русскому языку не замечается в киргизах. Поэтому мне известно у киргиз уездных и волостных училищах русский язык находится в удовлетворительном состоянии по крайней мере знаю в Тургайской области, так же в Орской киргизской учительской школе [9, с. 17].

В Орской учительской школе хотя изучалось магометанское вероучение, но были случаи изучения киргизскими воспитанниками Библии и инициатором этого дела был директор семинарии А.Г. Бессонов, ученик Н.И. Ильминского.

Воспитанники семинарии противились деянию директора. В 1889 году от 14 января по 23 февраля воспитанники III и IV классов отказались от продолжения учения, им был сделан строгий выговор за самовольный отказ от продолжения занятия. Они вторично заявили, что будут придерживаться прежних намерений и продолжать занятие не будут. Воспитанник Сейдалин заявил, что заниматься будет только в том случае, если другие будут заниматься. Также воспитанники IV класса отказались от перемещению на другую квартиру [10, с. 2].

23 февраля 1889 года прошел чрезвычайное заседание с председательством окружного инспектора К.А. Чеховича. Было принято решение: Уменьшение баллов по поведению воспитанникам, в случае ослушания или безуспешности принятия мер к немедленному исключению из заведения. Им было предупреждено что ученикам III и IV классов отметка по поведению ниже 5 баллов за последние 2 года лишает их право на получения звания учителя народных киргизских школ. Беспяева как руководителя беспорядков удалили из учебного заведения с правом держать испытание вместе с учениками IV классов по истечения года для получения звания учителя. 1889 году воспитанник IV класса Кошкарбаев был уволен по собственному желанию [10, с. 21].

Ситуацией в учительской школе хорошо был осведомлен Ы. Алтынсарин. 20 февраля 1889 году Ы. Алтынсарин писал инспектору татарских, башкирских, киргизских школ Оренбургского округа В.В. Катаринскому: «Наш Бессонов Александр Григорьевич спятил, кажется, с ума. Он начал в 3-м и 4-х классах учительской школы проповедовать Евангелию и Заповеди и несмотря на нежелание учеников этих классов продолжал вести эту затею в течение целого месяца [9, с. 337]. Спасибо еще ученикам 3–4 классов, что они тщательно скрывают от всех упомянутые проповеди Александра Григорьевича, боясь, чтобы родители не отозвали их назад и не прекратили путь к образованию» [9, с. 338].

6 марта 1889 года Ы. Алтынсарин снова пишет В.В. Катаринскому: «Возвратившись из Актюбе, я дознался, что было ослушание и со стороны учеников, в чем не безгрешны, как оказывается, и учителя [9, с. 340]. Александр Григорьевич если не изменит несколько себя, то едва ли сойдется с учениками своими, а

главное с учителями, неудовольствие коих и есть главное основание всему происходящему» [9, с. 341].

Недавно был в Орске Карл Андреевич, и я очень боюсь, что бы не слишком строго поступили с киргизскими учениками, кроме только одного букеевца, все мне лично известны и весьма хороших направлений; между ними есть весьма доровитые и способные; защитите их ради Бога [9, с. 341].

Об происшедшем случае в учительской школе был также информирован Ильминский. В октябре 1889 года в особо секретном сообщении Д. Михайлова к Ильминскому он пишет: «Бывший инспектор этой школы г. Бессонов на уроках педагогики совершенно конечно не основательно начал излагать основные догматы христианской веры и указывать на недостатки несообразности и несовременности некоторых магометанских обрядов. Вследствие этого, а затем еще того, что ученики нашли в занимаемой ими в квартире оставленную Бессоновым книгу под заглавием «Первоначальные сведения о православной христианской веры, сообщаемые киргизу готовящемуся к святому крещению» было прекращено посещение учениками III и IV классов и другие беспорядки. Командированный мною для расследования дела ревизору ученики объяснили, что им нежелательно было, чтобы родители их, а за ними и прочие их единомышленники узнали о преподавании им христианского вероучения, так как это могло послужить общему недовольствию и их отозвали бы из школы» [11, с. 48].

Выпускник Казанской духовной академии А.Г. Бессонов был в переписках с Н.И. Ильминским. 1889 году в связи пожаром в Орске учительская школа была перенесена в Оренбург. Н.И. Ильминский поддерживал закрытие татарской школы, как бесполезным в деле обрусения татар-магометан. Он поддерживал перенести киргизскую учительскую школу в Оренбург на место татарского [1, с. 228].

Список литературы

1. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Составил Н.А. Спасский. – Самара: Типография Самарской Духовной Консистории (Н.А. Жданов). – 374 с.

2. Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образование в Туркестанском крае. П.В. Знаменского. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. – 84 с.

3. Граменицкий С. Краткая историческая записка об устройстве инородческого образования в Туркестанском крае // Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Т. 481. – Ташкент, 1908. С. 162–182, 188.

4. Национальный Архив Республики Татарстан. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 132.

5. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. – Казань. Типография Императорского Университета, 1883. – 47 с.

6. Национальный Архив Республики Татарстан. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 47.

7. Национальный Архив Республики Татарстан. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 80.

8. Национальный Архив Республики Татарстан. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 78.

9. Воспоминание об И.А. Алтынсарине Н. Ильминского. – Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1891. – 396 с.

10. Национальный Архив Республики Казахстан. – Ф. 95. Оп. 2. Д. 21.

11. Национальный Архив Республики Татарстан. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 26.